

УДК 811.512.15

DOI: 10.17223/19986645/74/10

Д.М. Токмашев

**ЯЗЫК БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ В СИСТЕМЕ
АЛТАЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ – ФОНОЛОГИЯ
И МОРФОНОЛОГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
DAS ALTAITÜRKISCHE O. ПРИЦАКА)¹**

Рассматриваются фонетические и морфонологические черты языка телеутов в сопоставлении с южными и северными диалектами алтайского языка в контексте работы Das Altaitürkische O.I. Прицака. В фокусе исследования – вокализм и консонантизм, исторические и позиционные изменения звуков, в том числе методами акустической фонетики. Сохраняя древнюю киргизско-кыпчакскую подоснову, телеутский язык фонетически и морфонологически сближается с северными диалектами как результат конвергентного развития.

Ключевые слова: фонетика, морфонология, диалектология, языковой ареал, тюркские языки Сибири, алтайский язык, телеутский язык

Язык бачатских телеутов, одного из коренных малочисленных народов Сибири тюркской языковой семьи, распространен в Кемеровской области на рр. Большой и Малый Бачат в н.п. Беково и Шанда, а также городских округах г. Белово и г. Новокузнецка. В XIX в. «телеутское наречие», распространенное в Горном Алтае (у тау-телеутов) и лесостепных районах обско-томского междуречья (у степных и бачатских телеутов), использовалось членами Алтайской духовной миссии в качестве койне для написания богословской, научной и просветительской литературы.

В структурно-генетическом плане современный язык телеутов Кемеровской области остается наиболее близким идиомом «алтайско-телеутскому наречию», используемому до 1922 г. на Алтае, на котором, в частности, написана известная «Грамматика алтайского языка» 1869 г. Тем не менее территориальная удаленность бачатских телеутов от носителей других южноалтайских идиомов (теленгитского и алтай-кижи), вероятные культурные и этногенетические контакты с носителями тюркских языков иного классификационного типа – шорцами, северными алтайцами, сибирскими татарами, а также предположительно нетюркское происхождение некоторых групп телеутов (прежде всего, ач-кышытмов) – всё это могло обусловить дивергентный характер развития телеутского идиома в сравнении южноалтайскими. На это указывает ряд специфических черт в телеутской лексике, грамматике и фонетике ([1–3] и др.), которые, впрочем, остаются слабо документированными и интерпретированными со сравни-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

тельно-исторической точки зрения. Следует отметить, что это явление характерно для многих (если не большинства) тюркских языков Сибири, поскольку длительные процессы конвергенции и дивергенции у них приводят к образованию диффузных зон (зон смешения разных классификационных признаков) и, соответственно, дисперсионных изоглосс – явлений, встречающихся в контактирующих тюркских языках сибирского региона, линейное распространение которых может прерываться другими языками и/или диалектами, в которых они не отмечены.

Например, централизация гласных второго слога после задних в верхнекондомском диалекте шорского и нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языков, ср. конд. шор. *nalā* ‘ребенок’ ~ ниж.-чул. *турā* ‘город’ – нарушение палатальной гармонии, не отмеченное в языке бачатских телеутов, или мозаичное распределение показателя инструменталиса *-(B)(I)LA(N)*: мр. шор. *-BA* ~ конд. шор. *-BILA* ~ тел. *-minañ* ~ хак. лит. *-nAŋ* ~ алт. лит. *-lA* ~ тув. лит. *-bile* ~ ниж.-чул. *-(B)AlA* (ежинский) / *-(B)lAŋ* (кюэрик) ~ ср.-чул. *-lAŋ* (мелецкий) / *-(B)lA* (тутальский), причём в ряде языков и диалектов статус инструменталиса варьирует от послелогога к падежу и может формально совпадать с другими падежными аффиксами, напр. *-nAŋ* как аффикс инструменталиса и одновременно аблатива посесивного склонения в хакасском. Классификационные признаки, по которым диалекты одного языка могут быть отнесены к разным группам, характерны для шорского диалекта хакасского языка, кондомского диалекта шорского языка, нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка, многочисленных диалектов татар Сибири и т.д.

Как отмечает О.А. Мудрак, в сибирских тюркских языках (языках «северной группы» по М. Рясанену) отмечается «довольно много неясностей из-за уровня описания языков (сейчас эта проблема во многом решена)» [4. С. 8]. Сложный, дивергентно-конвергентный, характер тюркских языков Сибири является общепризнанным фактом, ср. «В них переплетаются черты почти всех основных тюркских языковых групп: в фонетике – черты й-языков, з-языков и д-языков, в морфологии и лексике – наличие кыпчакских, карлукских и огузских черт» [5. С. 106]; «Вдоль границы, отделяющей восточнотунгускую ветвь от западнотунгуской, в пределах Сибири и прилегающей части северной части Средней Азии, расположены зоны смешения языковых особенностей обеих ветвей» [6. С. 198].

С другой стороны, ряд исследователей фиксируют общие черты в сибирско-тюркском языковом ареале, несмотря на гетерогенность составляющих его языков и диалектов, например следы монгольского влияния в лексике и русского – в синтаксисе. В области фонологии и фонотактики исследователи отмечают наличие вторичных вокалических долгот во всех языках ареала [7. С. 404], преобладание шумных глухих в анлауте и ауслауте и общая низкая частотность шумных звонких, а также позиционное удлинение широкого открытого перед последующим узким (не во всех идиомах) [5, 8]; фарингализация гласных в ряде тюркских языков Сибири как субстратное и контактное явление [9]. На общие признаки сибирских

тюркских языков обращал внимание В.И. Рассадин: «... удалось выявить некоторые особенности в фонетике, морфологии и лексике, характерные лишь для сибирских тюркских языков, в какой-то мере объединяющие их и присущие только им» [10. С. 219].

В дополнение к отмеченным выше автор цитаты приводит такие фонетические приметы, как глухой [s] в ауслауте на месте [z] других тюркских языков, анлаутный [n]~[ñ] в ряду рефлексов [j] как промежуточная ступень перехода [j] в [ç] на фоне общей назализованности артикуляции (кроме «кыпчакских» идиомов, ср. шор. *нагбур* ~ *нанмүр* ‘дождь’, тув. *чаа* ‘новый’ ~ сиб.-тат. *яңгыр* ‘дождь’, тел. *јаңы* ‘новый’); в области морфологии – система глагольных преврбов в акциональных формах, уточняющих направленность и характер протекания действия (алт. *ойо ат-* ‘прострелить’, шор. *чара тарт-* ‘разорвать’, тув. *чедир кыл-* ‘доделать’ и т.д.); также языки ареала содержат пласт ландшафтной и культурно-промысловой лексики, не имеющей соответствий в других тюркских языках, подробнее об этом см. [11. С. 35].

По географическому признаку тюркские сибирские языки образуют «сибирскую», или «северную», группу тюркских языков, состав которой остается предметом дискуссий. Например, А. Рона-Таш включает в нее следующие языки и диалекты:

Siberian Tatar, D: Tobol-Irtish, Baraba, Tomsk

Altai (earlier Oïrot), D: Kumandu, Tuba-kizhi, Lebed, Teleut, Tölös, Upper Bij, Urjankhai (Telengut)

Shor, D: Kondom, Mras, Aladag

Chulim, D: Küerik

Hakass, D: Abakan, Kizil, Koibal, Kacha, Kandakov, Mador (Matar), Motor (Matir), Sagai, Salba;

Tuva

Tofalar, Karagass (earlier a dialect of Tuva) [12. P. 32].

Якутский язык А. Рона-Таш выделял отдельно. Как видно из списка, диалекты сгруппированы в основном по ареальному принципу и представлены фрагментарно; их количественный состав и название отличается от таковых других классификаций (так, в шорском языке не выделяется аладагский диалект, в хакасском – кандаковский и салбинский диалекты, урянхайский диалект, очевидно, включен в группу алтайских ошибочно, не представлены диалекты тувинского языка, маторский и карагасский относятся с саяно-самодийским языкам и т.д.).

О.А. Мудрак употребляет термин «сибирские тюркские языки» скорее не в генетическом, а в ареальном смысле, внутри которых он выделяет алтайско-киргизскую, хакасскую и тувино-тофаларскую подгруппы, а также якутский язык [4. С. 149]. По данным глоттохронологии это отдельная ветвь, образовавшаяся после распада пратюркского языка и отделения чувашского, стоящая особняком от трех других выделившихся ветвей – кыпчакской, карлукской и огузской.

В классификации К. Шёнига тюркские языки Сибири объединяются в группу *South Siberian Turkic*, состоящую из кластеров *Altay Turkic* (алтай-

ские диалекты), *Yenisey Turkic* (хакасский и шорский), *Sayan Turkic* (тувинский и тофаларский) и *Chulym Turkic* (чулымский). К ним приближаются сибирско-татарские диалекты, сарыг-югурский и язык фуюйских кыргызов. Якутский и долганский образуют кластер *Lena Turkic*, вместе с которым вышеуказанные южносибирские языки составляют *North East Turkic* – северо-восточную ветвь тюркских языков. Интересно, что К. Шёниг отмечает в ряде южносибирских идиомов наличие кыпчакских черт (напр., *-k* как маркер 1 л. мн. ч.: тел. *nap jaq* ‘мы идём’, ср.-чул. *napak* ‘пойдём (ты и я)’), на основании чего он объединяет их в квазигруппу *Kipchakoid South Siberian Turkic*, т.е. «кыпчакоидные южносибирские тюркские языки», противопоставленную тувино-тофаларской группе, лишенной кыпчакских признаков [13]. Е.И. Убрятова отмечала близость киргизской и сибирско-тюркской систем причастных форм: «создается впечатление, что здесь (в Сибири) распространился какой-то древний тюркский язык кыпчакского типа (форма на *-ган*, отсутствие форм на *-мыш*, *-дык*)» [14. С. 85].

Как считает Н.Н. Широкова, гетерогенность сибирско-тюркского языкового ареала обусловлена динамикой миграционных волн тюркоязычного населения в Сибири. Она говорит о последовательной смене классификационных типов сибирских тюркских языков (включая якутский и киргизский) по модели: уйгуро-орхонский тип (язык рунических памятников Монголии, Саяно-Алтая и Сынцзяна; его влияние прослеживается в якутском и отчасти тувинском) > кыргызский тип (все *z*-языки и диалекты) > уйгуро-кыргызский тип (шорский, хакасский, среднечулымский) > кыпчакский тип (киргизский, алтайский, телеутский, сибирско-татарский), что приводит к таким «промежуточным историческим состояниям, когда какие-то признаки утрачиваются, а какие-то приобретаются» [15. С. 248]; на это же указывает А.В. Дыбо, говоря о действии волновых процессов на территории близкородственных идиомов [16].

Й. Бенцинг телеутский (алтайский) язык, вместе с шорским, хакасским и тувинским, относит к арало-саянской группе северно-тюркской ветви (*Aral-Sayan group of North Turkic*), он отмечает его близость с киргизским – языком арало-каспийской группы западнотюркской (кыпчакско-половецкой) ветви, однако остается неясным, является ли телеутский (алтайский) «северным» тюркским языком, испытавшем влияние «западного», или наоборот [17. Р. 4]. К. Менгес также выделял арало-каспийскую группу языков, но весь кластер алтайских диалектов (*Oyrot and his dialects: Altay-Kiži, Tälänjät, Lebed'*) он рассматривал как самостоятельное образование, отдельно от других сибирских тюркских языков, каждый из которых при этом помещался им в разные группы [18. Р. 6].

Итак, тюркские языки Сибири обладают смешанными классификационными признаками, что обуславливает их классификационную лабильность, т.е. неустойчивость в границах своих подгрупп. Это характерно для контактных территорий, где сменялись миграционные волны носителей родственных языков и, возможно, одновременно существовало несколько инновационных центров (в случае Сибири – уйгуро-огузского и киргизо-

кыпчакского). Примером классификационно неустойчивого языка можно считать язык *телеутов*. По Н.А. Баскакову, в самих этнонимах *телеут*, *тёлёс* и *теленгит* содержится указание на их связь с древнеуйгурскими племенами *теле*, потомки которых (вместе с кыргызами) послужили этническим субстратом носителей алтайских идиомов с участием также огузских и кыпчакских племен¹ [20. С. 28–29].

В статье мы попытаемся определить место телеутского языка в системе южных и северных алтайских диалектов путем сплошного сопоставления телеутского языкового материала с данными, приводимыми О. Прицаком в разделе *Das Altaitürkische* (т.е. «язык алтайских тюрков») энциклопедии тюркских языков *Philologiae Turcicae Fundamenta*, изданной в 1959 г. в Висбадене [21]. Таким образом, **целью** статьи является установление степени близости телеутского языка другим южным (и отчасти – северным) алтайским идиомам, основанной на общих и дифференцирующих фонологических и морфонологических признаках.

Материалом исследования послужил, прежде всего, корпус полевых данных телеутского языка² (в основном образцы разговорной речи) в формате *SIL FieldWorks Language Explorer*, собранный автором в ходе экспедиций 2007–2019 гг. объёмом около 30 000 словоупотреблений, а также современные³ опубликованные работы по различным аспектам языка батчатских телеутов (прежде всего, труды Г.Г. Фисаковой), которые привлекались к сравнению с указанным трудом О. Прицака. Звуковой строй телеутского языка подробно описан в работах новосибирской фонетической школы⁴; мы привлекаем эти работы в ограниченном объеме из-за отсутствия в работе О. Прицака экспериментальных данных и, соответственно, невозможности их корректного сопоставления. Основными источниками словарного материала, помимо корпуса и работ О. Прицака и Г.Г. Фисаковой, послужили издания [32–36].

Раздел *Das Altaitürkische* посвящен всем шести алтайским диалектам – трём северным (кумандинскому, чалканскому и туба) и трём южным (алтай-кижи, теленгитскому и телеутскому) с выделением дифференциальных признаков, в первую очередь фоно- и морфонологических. Для алтайского языка в нем приводятся следующие характеристики (здесь и далее цит. по.

¹ Впрочем, как справедливо отмечает Д.А. Функ, реальное соотношение современных этнонимов с компонентом *теле-* и более древних *теле*, *динлин*, *доланьгэ* и т.д., встречающихся в китайских, монгольских и персидских источниках, окончательно не выяснено и является «одним из наиболее сложных [вопросов] в истории народов Центральной Азии» [19. С. 177].

² Частично тексты и словники авторского телеутского корпуса размещены онлайн на платформах ELAR (<https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1044686>) и LingvoDoc (http://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all) и опубликованы в [22–27].

³ Мы не сравниваем данные О. Прицака с алтайско-телеутскими материалами XIX в., в частности «Алтайской грамматикой» 1869 г. и текстами В.В. Радлова из тома I «Образцов народной литературы тюркских племён...» 1866 г.; это составляет предмет отдельного исследования.

⁴ Например, в трудах [28–31] и др.

[21]; все примеры слов из О. Прицака приводятся в кириллице и выделяются подчеркиванием, примеры звуков – в латинице):

Фонология и морфонология.

Вокализм.

Вокализм алтайских диалектов, согласно О. Прицаку, общетюркский, 16 гласных, 8 кратких (а, э, ы, и, о, ö, у, ү) и 8 долгих (аа, ээ, ыы, ии, оо, öö, уу, үү). Отмечается редукция узких безударных, а перед ними – позиционное удлинение широких: тел. *kōr(y)n jat* ‘смотрит’, *nār(y)n* ‘пойдя’, *қōз(ы)р* ‘крупный’; подробнее о фонетических процессах в сфере телеутского вокализма см. [37].

Н.В. Гаврилин при этом насчитывает в телеутском 15 фонем (без долгой /ы:/ из-за отсутствия квазиомонима): «видимо, в бачатско-телеутском отсутствует долгая фонема ь» [38. С. 73]. Как таковой, звук [ы:] в телеутском может позиционно возникать на стыке конечнослогового -ы и афф. -(А)р (*тымыыр* < *тымы-* ‘затихать’ + *-ыр*), но не образует, судя по всему, минимальной пары по типу *эр* ‘человек’ ~ *ээр* ‘седло’ и не имеет фонемного статуса¹.

Почти все приведенные случаи письменно отраженной долготы не являются этимологическими², т.е. обусловлены исторической либо синхронной элизией интервокальных внутри корня (тел. *қаар-* ‘жарить’ < **qavur-*, *јишлек* ‘ягода’ < **jigellek*, *таай* ‘дядя по матери’ < **taɣa*) или на стыке морфов (тел. *kōön-* ‘распухать’ < **kör-* + *-ын* – новообразование из стянутой деепричастной формы; *пүүн* ‘сегодня’ < *пу* + *күн*; *чочқооң* ‘свинья-GEN’ < *чочқо* + *-ның* и т.д.). На спектрограмме эти звуки часто демонстри-

¹ Критерий квазиомонимов кажется нам не слишком надежным, поскольку во многом зависит от случайного подбора пар; так, долгая фонема /u:/ в телеутском обоснована единичным противопоставлением *пшил* ‘в этом году’ ~ *пил-* ‘знать’, при том что долгота в *пшил* вторична; отсутствие пары /ы/~ы:/ обусловлено, например, сохранением /ч/ в тел. *қычыр-* ‘звать; читать’ и его элизией в шор. *қыыр-*, ср. шор. *қыыр-* ‘читать’ ~ *қыр* ‘хребет’ и тел. *қычыр-* и *қыр* или сохранением /з/ в тел. *сыгын* ‘марал’ и его выпадением в шор. *сыын*, ср. шор. *сыын* ‘марал’ ~ *сын* ‘хребет’ и тел. *сыгын* и *сын*. Таким образом, наличие в шорском /ы:/ и её отсутствие в телеутском – результат работы фонетических процессов, что позволяет рассматривать «долгие» гласные как позиционные аллофоны кратких.

² Этимологически долгие гласные в телеутском, как и большинстве тюркских языков, сократились, ср. тел. *таиш* ‘камень’ < **da:š* при як. *ta:c*, уйг. диал. *ta:š*. Телеутское *таамы* ‘вкус’, возможно, сохранило этимологическую долготу основы **da:t* ‘сладкий’ вкус’, однако нельзя исключать позиционно обусловленную долготу *aa* перед узким *ы* (посессивный аффикс 3 л. ед. ч.); при этом в тел. *тату* ‘сладкий’ корневой гласный краткий; таким образом, вопрос об исконной либо вторичной долготе [a] в тел. *таамду* ‘вкусный’ и *тату* ‘сладкий’ остается открытым (как и вопрос о наличии как таковой этимологической долготы гласных в современных тюркских языках Саяно-Алтая). Косвенные рефлексы исконных долгот в южносибирских тюркских языках можно отметить лишь в тувинском и тофаларском – современная фарингализация гласных соответствует исторически кратким гласным в позиции перед шумным: исторически долгие сокращаются до кратких, исторически краткие приобретают фарингальный оттенок (тув. **āt* ‘имя’ > **ad* > *at*, *adyt*; **at* ‘лошадь’ > **ath* > *a''t*, *a''dym*), см. [39. Р. 132].

руют два пика интенсивности между эллиптированным согласным, что говорит об их вторичном характере (см. рис. 1–4).

Таким образом, современный телеутский язык в своей основе сохраняет «классический» восьмичленный вокализм *a, e, y, i, o, ö, u, ü*, а долгие гласные можно считать вторичными, либо позиционно распределёнными вариантами кратких; аналогичная матрица соответствий пратюркских гласных отмечается в шорском, киргизском, тувинском и алтайском языках [40. С. 156]; для пракрыпчакского состояния долгие гласные уже не восстанавливаются [41. С. 220]. Это согласуется с тезисом О. Прицака о вторичности долгих гласных в алтайских диалектах.

Для телеутского характерна непоследовательная гармония широких и узких губных, что сближает его с северными диалектами алтайского языка и отдаляет от южных и киргизского, ср. тел. *өлтир-* / *өлтүр-* ‘убивать’, ~ алт. лит. *өлтүр-*, ср. «если в первом слоге слова имеется широкий губной *o* или *ö*, то широкие негубные гласные (*a, э*) второго и последующих слогов обязательно лабиализуются во всех случаях» [33. С. 230], ср. также тел. *моқу* ~ алт. лит. *моко* ‘тупой’ – пример, в котором наблюдается сужение широкого *o* второго слога в телеутском. При этом в телеутском отмечается и более строгая губная гармония, чем в литературном алтайском, ср. разг. тел. *төгөзө* / *төгүзө* / *төгүзе* / *түгөзе* / *түгезе* ‘весь, целый’ ~ алт. лит. *түгезе*. Сходная непоследовательность лабиальной гармонии отмечается, например, в чалканском: *төртөлө* / *төртеле* ‘вчетвером’ [42. С. 254].

В чередовании *a/ы* непервого безударного слога в телеутском преобладает узкий гласный: тел. *саңыт* ‘челюсть’ ~ лит. алт. *санат/сангыт*, тел. *қапшыгай* ‘быстро’ ~ алт. лит. *қапшагай*, тел. *айдылган* ‘названный’ ~ алт. лит. *айдалган*. В чередовании *ы/у* и *и/ү* в корневом слоге телеутский непоследователен¹, ср. тел. *пурч* ‘перец’, *пырчақ* ‘горох’ при этом тел. *мырс* ‘перец’ [36] ~ алт. лит. *мырч* ‘перец’, *мырчак* ‘горох’, тел. *улы-* ~ алт. лит. *улу-* ‘выть’, тел. *муйгак* ‘самка марала’ [36], алт. лит. *мыйгак/муйгак*, тел. *сымда* / *сумда* [36], *сында* ‘рябчик’ ~ алт. лит. *сымда*, тел. *көмир* / *көмүр* ‘уголь’ ~ алт. лит. *көмүр*, тел. *қолтық* ‘подмышка’ ~ алт. лит. *колтук*, тел. *унды-* ~ алт. лит. *унду-* ‘забывать’.

Г.Г. Фисакова отмечала, что «если во втором слоге гласный узкий, то губная гармония гласных в отличие от литературного алтайского языка отсутствует» и приводила в пример пары тел. *көмир* ~ алт. лит. *көмүр* ‘уголь’, тел. *одыс* ~ алт. лит. *одус* ‘тридцать’, тел. *одын* ~ алт. лит. *одун* ‘дрова’ и ряд других [2. С. 71]. При этом в словарях фиксируются и обратные примеры – алт. лит. *отургыш* ~ тел. *отургуш* ‘табурет’.

¹ Важно отметить, что ряд телеутских вариантов взят нами из «Словаря алтайского и аладагского наречий» В.И. Вербицкого [36] с пометкой (т.), однако же сам автор словаря называл эти слова теленгутскими, отсюда не всегда понятно, является ли данный вариант специфичным для «теленгутов» Бийского либо Кузнецкого округов, т.е. для (бачатских) телеутов либо теленгитов.

Здесь необходимы несколько уточнений: 1) ойротско-русский словарь Н.А. Баскакова и Т.М. Тошакковой [33] приводит формы как с губными, так и негубными гласными: *одус* ‘тридцать’, но *одын* ‘дрова’; 2) основной автор единственного на данный момент телеутско-русского словаря Л.Т. Рюмина-Сыркашева, получившая высшее образование в Горно-Алтайске, могла придерживаться принципов алтайской морфонологии в письменной речи, отсюда орфографические нормы таких слов, как *кӧмӱр* ‘уголь’, *пӧрӱк* ‘шапка’, *одус* ‘тридцать’, *отур-* ‘сидеть’, зафиксированные в ее словаре, хотя встречаются и варианты с негубными – *одын*, *сусқы*, *қолтық*, ср. замечание К. Мусаева: «Правила орфографии современных кыпчакских языков недостаточно точно отражают подлинную гармонию звуков» [41. С. 294]. Возможно, противопоставление узких гласных во втором слоге по лабиализации (в парах типа *кӧмӱр* / *кӧмир*) для телеутского языка не фонологично и не систематично; ослабление данного признака может происходить за счёт компенсационного сокращения гласного второго слога и его редукции, которая, в свою очередь, вызвана удлинением первого гласного: *кӧ:мӱр*, *пӧ:рӱк*.

Для телеутского и остальных южноалтайских идиомов О. Прицак приводит правило падения конечного *a* после *l* при наращении аффикса с *l*, т.е. стяжения двух *l* и диссимилиации второго, переходящего в *ɔ*: *пала* ‘ребёнок’ + *-LAR* > палдар ‘дети’. Однако этот пример, по-видимому, представляет собой застывший, непродуктивный фонетический процесс, ср. тел. *қара қула* ‘лев’ + *-LAR* > *қара қуларлар*, *сула* ‘овёс’ + *-LAR* > *суларлар* и т.д.

Согласно О. Прицаку, в части алтайских диалектов происходят переходы *y > u* (реже *y > o* в позиции перед *l*) и *i > ü* (иногда в *ö*) позиции перед *u*, которое развилось из старых комплексов с гуттуральным звонким **-ig* и **-agu*. Например, тел. *қуру* ‘сухой’ < **qiragu*, но тел., алт. лит. *жылу* ‘тёплый’ < **jylug* (в этом случае неясно, что имеет в виду автор, приводя пример с губным из диалекта алтай-кижи *yulü ~ yolü* ‘warm’ и литературного алтайского *d’ilu*; в телеутском, во всяком случае, гласный основы не огубляется – *жылу*). Не огубляется он, вопреки данным О. Прицака, также и в мягкорядном соответствии *i > ü* в примерах тел., алт. лит. *узү* ‘горячий’ < **usyug / isig*, однако для основы тел., алт. лит. *мурү* ‘живой’ < **tiriy* Вербицкий приводит тел. форму с губным – *түрү*. По нашим наблюдениям, гласный первого слога в телеутском *турү* ‘живой’ сильно редуцируется (почти до полного выпадения – *трү*), в связи с чем лабиальный признак становится нерелевантным. Для основы **kičüg* ‘маленький’ телеутский и алтайский словари дают форму *кичү*, а Г.Г. Фисакова – *күчү* (а также *жүлү* ‘тёплый’, *јзү* ‘горячий’ и *түрү* ‘живой’ – см. выше), объясняя это «регрессивным действием гармонии гласных» [2. С. 71].

Данные нашего корпуса подтверждают форму *күчү*, но не *түрү* и *жүлү* – в последних словах начальный гласный не губной. Это, впрочем, не исключает случайной фиксации губного как негубного и наоборот при расшифровке; кроме того, огубленность гласного перед рефлексами **-ig* и **-agu* может носить факультативный характер и зависеть от речевой при-

вычки информанта, а письменная словарная норма – не отражать реально-го звучания. Вопреки данным Прицака, рефлекс **bilägi* ‘точильный камень’ в телеутском не огублен – *ниле-* ‘точить’, ср. алт. лит. *билү* ‘оселок’ (он приводит тел. *pülüü*, но алтай-кижи *pilü* и алт. лит. *bilü*). Переход *ä* > *ö* перед *ü* для телеутского характерен как и для всех алтайских идиомов: тел. *ödüк* ‘сапоги’ < **ētük*.

В качестве еще одной особенности алтайской морфонологии О. Прицак указывает нарушение нёбной гармонии в следующих типах многосложных слов: 1) компоненты сложных слов сохраняют исконный вокализм: алт. лит. *пеишылдык* ‘пятилетка’, *колкүчилежаткан* ‘рабочий’, *күнбадыш* ‘запад’, что логично, поскольку сингармонизм привел бы к нарушению фонемного состава лексических основ, ср. тел. *қолартқыш* ‘полотенце для рук’, *абөндиш* ‘тетка (жена старшего брата отца)’; 2) палатализация (в разговорной речи) *i* > *i* в окружении *y*, *d*’, *š* и *č*; в письменной речи предпочтителен вариант с *i*: алт. лит. *айыл* ~ *айыл* ‘деревня’, *ыйла-* ~ *ийла-* ‘плакать’, *калжымак* ~ *калжымак* ‘дикий’. В алтайских словарях [33, 34] приводится форма *ыйла-*, в телеутском – *ийла-*.

Также в телеутском отмечается переход *u* > *ü* и *o* > *ö* в аналогичных вокально-консонантных комплексах, ср. алт. лит. *уй* ~ тел. *үй* ‘корова’, алт. лит. *уйат* ~ тел. *үйат* ‘стыд’; ср. выше форма *жүлү* ‘тёплый’, отмеченная Г.Г. Фисаковой. О. Прицак отмечает, что в диалектах согласные *y*, *d*’, *š* и *č* также палатализуются под влиянием мягких гласных: алт., чалк., тел. *көйбөн* ‘заяц’ < *қойон* (нами не отмечено), алт. *жүлүн* ‘костный мозг’, ср. тел. *жулик* ‘костный мозг’, *жүлүн* ‘спинной и костный мозг’, *жүлүк* ‘сок’ и алт. лит. *дүүлүк* / *дылик* ‘костный мозг’, *жулук* ‘сок’; ср. также тел. *чөй* ‘чугун’ ~ *чөйгөн* ‘чайник’ (расщепление семантики) и алт. вариант без палатализации – *чой* ‘чугун’.

В разговорной речи также существует переход [a] > [u/э] аффикса настоящего времени на *-jam* в форме 3 л. ед. ч., что не отражается на письме, однако ср. мнение Г.Г. Фисаковой о полном запрете на ассимиляцию данного гласного: «Вспомогательный глагол *-hat*, выступающий в роли аффикса, при образовании настоящего времени данного момента не подчиняется нёбному сингармонизму, напр. *kelham* ‘иду’, *эжнэрһат* ‘играет’, *көрһат* ‘смотрит’, *kelbejat* ‘не идёт’» [37. С. 95]. По нашим наблюдениям, в 3 л. ед. ч. настоящего времени на *-jam* допустимы параллельные варианты *пар jüt* / *пар jat* ‘уходит’ (но *пар jam* ‘ухожу’, *пар жагар* ‘уходите’, *пар жалар* ‘уходят’), *көрүн jet* / *көрүн jat* ‘виднеется’, причем для первого примера характерна диссимилиция, т.е. данный переход не является проявлением палатальной гармонии.

Далее, О. Прицак отмечает строгое соблюдение лабиальной гармонии в первом и втором слоге основы после узких губных в литературном алтайском: *түлкү* ‘лиса’, *күмүш* ‘серебро’, *курут* ‘сыр’ и т.д., а после широких губных – её вариантность: *отур* ~ *отыр* ‘сидеть’, *бөрү* ~ *бөри* ‘волк’. В аффиксах (кроме конвербов на *-Хр*) лабиальная гармония отсутствует: *күл-ди* ‘зола-АСС’, *қон-ды* ‘ночевать-PST’, но: *көр-үн* ‘видеть-CVB’, *тудуп* ‘хва-

тать-CVB'. Как отмечено выше, по данному признаку телеутский отличается от других алтайских диалектов непоследовательной гармонией после как после широких, так и после узких губных: *қолтық* 'подмышка', *польши* 'помощь', *сусқы* 'ковш'.

Широкие губные *o, ö* в литературном алтайском влияют на последующие широкие негубные *a, ä* в основах: *кочкор* 'дикий баран' < *кочкар*, *көнөк* 'ведро' < *көнөк*, но: *куран* 'самец косули'; в аффиксах (прежде всего, форма на *-LA*, плюралис, датив, локатив, аблатив, инструменталис, форма на *-GAN*, футурум, отрицание и вопросительная частица). В телеутском присутствуют все перечисленные проявления сингармонизма, кроме инструменталиса, имеющего форму *-мынаң*, ср. *атмынаң* '(с) лошадей', *сүтмынаң* '(с) молоко' и т.д.

В диалекте алтай-кижи О. Прицак отмечает также огубление *a, ä* после *й* (*јүктөнүн алды* 'навьючил' < *јүктен-* 'навьючивать'). Автор приводит два важных морфологических закона в алтайских диалектах. Первый выведен В.В. Радловым в отношении губной гармонии после *й*, которая нехарактерна для телеутского. Тем не менее, данные как текстов XIX–XX вв. (В.В. Радлова, Н.П. Дыренковой, А.В. Анохина), так и словаря Л.Т. Рюминой подтверждают спорадическое явление гармонии такого типа в телеутском: ср. тел. *күлкү* 'кочерга', *күрүң* 'бурый', но при этом *күски* 'осенний', *јүгүриши* 'бег'. Согласно второму закону, предложенному Н.А. Баскаковым, в целом южные алтайские диалекты отличаются от северных наличием губной гармонии, однако фактически она нехарактерна лишь для кумандинского. В настоящее время эти две тенденции (отсутствие губной гармонии после *й* в телеутском и нерегулярная губная гармония в северных диалектах в целом) конвергентно ослабляются.

Консонантизм.

Одной из характерных черт телеутского консонантизма является рефлекс пракрыпчакского сонорного щелевого **j* в виде пары *j ~ t'* в зависимости от их дистрибуции. В анлауте **j*- реализуется как переднеязычный палатализованный *[t']*, в литературном алтайском он характеризуется меньшей напряженностью и большей звучностью, из-за чего в ранней ойротской орфографии он обозначался как *дь* (*дылуу* 'тёплый', *дьорык* 'поездка'), а в тексте у О. Прицака – как *d'*. В современной алтайской и телеутской орфографии оба звука в анлауте обозначаются графемой <*j*> и восходят к соответствующему пракрыпчакскому.

Инлаутный *и*, в частности, интервокальный *-j-* в телеутском может быть графически обозначен как <*j*>, так и <*й*>, восходя к этимологически разным фонемам. О. Прицак отмечает, что инлаутное *-d'* в алтайском может быть переходом монгольского *ᠵ* в заимствованных основах (алт. лит. *олјо* ~ *олдьо*, тел. *олјо* 'плен' < монг. *olᠵa*) и праторкского **-č* (алт. лит. *надьы* ~ *најы*, тел. *найы* 'друг' < др.-тюрк. **inanč*). Как видно из телеутского примера, *-й-* передает как рефлекс древнетюркского инлаутного **-j-*, не отличаясь в этом от других алтайских диалектов (напр., *айт-* 'сказать', *мойын* 'шея'), так и – в редких случаях – **-č*, ср. также шор. *пачат* ~ тел.

пайат ‘р. Бачат’, правда, данный пример отражает рефлексацию интервокального -ĉ- на синхронно-фонетическом уровне, поскольку шор. *пачат* имеет нетюркское (енисейское) происхождение. Можно согласиться с наблюдением Г.Г. Фисаковой, что смычный [h̥] и щелевой [j] являются аллофонами одной фонемы, вариантной в анлауте и распределенной как [h̥ / j] в прочих позициях [43. С. 162].

В телеутском отмечается палатализация / в позиции после у, что приводит к некоторой централизации и последующих задних а и и (последнее отражено в графике): тел. *айлан-* ‘вращаться’ (произн. *айлян*), *ааль* ‘поселок’ < *айыл*, *пайлан-* ‘богатеть’ (произн. *пайлян*), ср. также тел. *ойлү* ~ алт. лит. *ойлу* ‘умный’, тел. *пойлү* ‘статный’ ~ алт. лит. *бойлу* ‘незамужняя женщина’. Возможно, графический облик тел. *ийла-* ‘плакать’ при алт. лит. *ыйла-* (см. выше) обусловлен регрессивной ассимиляцией централизованным конечнослоговым а первого гласного из-за запрета на стечение гласных разных рядов в одном слове.

О. Прицак говорит об озвончении всех интервокальных глухих в северных диалектах, а в южных – всех, кроме -ĉ- (южн. *качан* ~ сев. *кажсан* ‘когда’). При этом в устной речи телеутские интервокальные зачастую не озвончаются, на что указывал Д.М. Насилов [1. С. 179], напр. *күшүл* ‘мышь’, *киши* ‘человек’, *аба-сы* ‘отец-POSS.3SG’ (при орфографической норме *кижи*, *күжүл* и т.д.). Предположительно этот процесс неозвончения распространяется на шипящие и свистящие, но не на губные и зубные, ср. тел. *көдүр-* ‘поднимать’, *сыбыр-* ‘прогонять’¹. Очевидно, для телеутских интервокальных *š(ž)* и *s(z)* признак глухости/звонкости нерелевантен и нефонологичен. Это же свойство О. Прицак отмечает и в кумандинском: «*Im QmdSt. hat -z- (< -z-) die Tendenz zur Stimmlosigkeit: usun ‘lang’ (< uzun), qäsičaq ‘Mädchen’*» [21. Р. 580].

Не озвончаются внутри корня также «старые» геминаты (тел. *јети* ‘семь’ < **ž’ēddi*, *эки* ‘два’ < **ε’(k)ki*) и стянутые комплексы одинаковых согласных на границах морфем (тел. *јетире* ‘до’ < *јет-* + *-тир*).

Древний *-d(-) в ауслауте и интервокале, как и в остальных южноалтайских диалектах, переходит в у: тел. *айақ* ‘нога’ < **адақ*, *ной* ‘сам’ < **бод*.

Древний *b- в анлауте оглушается (тел. *науи* ‘голова’ < **балĉ*), причем в телеутском он звучит менее звонко, чем соответствующий ему литературный алтайский, отсюда разница в орфографии: тел. *нала* ~ алт. лит. *бала* ‘ребёнок’; как отмечено выше, это оглушение характерно для большинства сибирских языков, только тувинский и – в меньшей степени –

¹ Озвончение интервокальных глухих в карлукских и кыпчакских языках зависит от первичной долготы / краткости предшествующего гласного; после первично долгих регулярно озвончаются гуттуральные и губные, изредка – зубные, после первично кратких все типы согласных чаще всего остаются глухими, ср. тел. *қаду* ‘твѳоздь’ < **kāta-g* (звонкий после долгого; не исключен монголизм **kada*), тел. *қату* ‘твѳердый’ < **kat-yg* (глухой после краткогѳо). В телеутском и литературном алтайском после краткогѳо зубной при этом стабильно озвончается: тел. *көдүр-* ‘поднимать’ < **göt-ir-*, *қодор-* ‘вырывать’ < **kotar-*, *қадар-* ‘пасти’ < **katar-*.

алтайский сохранили звонкий губной в анлауте, ср. тув. *баи* ‘голова’, алт. лит. *бут* ‘нога’.

Также очень редко отмечается перебой начальных *b*~*m*-. О. Прицак говорит о традиционном переходе **b*- > *m*- в северных диалектах (туба и куманд. *möry* < **böri*), а в южных – о спорадическом, не приводя конкретных примеров: слово ‘горох’ (< **burčak*) как будто иллюстрирует этот переход в алтайском, но не в телеутском, ср. алт. лит. *мырчак* ~ тел. *пырчақ* ‘горох’, однако слово ‘перец’ (< **myrč* < санскр. *marīča*), если принимать версию о первичном *m*- в тюркской форме, говорит об обратном переходе, т.е. о **m*- > *b*- в телеутском, но не в алтайском, ср. алт. лит. *мырч* ~ тел. *пурч* ‘перец’; переход **m*- > *b*- скорее характерен для северных алтайских диалектов.

В целом же можно отметить некоторую тенденцию к рефлексу анлаутного **b*- в виде *m*- в южных диалектах (**bürgüt* ‘беркут’ > алт. лит., тел. *мүркүт*), хотя алтайский и телеутский не проявляют четких правил рефлексии *b**- по линии *b*-/*m*¹, ср. также тел. *палта* ~ алт. лит. *малта* ‘топор’ < **paltu*, при этом ср. туба и чалк. *палта*, куманд. *малта*; тел. *миис* / *мис* / *нис* [36] ~ алт. лит. *мис* ‘лезвие; острие’ < **bi*: ‘острие’, **bi:z* ‘шило’, при этом ср. шор. *нис* ‘шило’. Как отмечается в [44. С. 131], «формы с начальным *m*-, по всей вероятности, вторичные», возникшие в результате ассимиляции начального **b*- павшим носовым *ɲ* после гласного основы: тел. *миис* ‘острие’ < **bi:z* ‘шило’ < **biɲz*; это же приводит к вариативности **bu:z* ~ **mu:z* ‘лёд’ > тел. *мус* ~ туба, шор. *нус* / *мус*.

Монгольские заимствования с начальным *b*- в телеутском и алтайском сохраняют *b*-, ср. тел. *пөкө*, алт. лит. *бөкө* ‘силач’ < монг. *böke*, в северных диалектах переходящий в *m*-, ср. шор., туба *мөкө*. Начальный **m*- в монголизмах северных и южных алтайских диалектов показывает обратное распределение, ср. алт. лит., тел. *макта*- ~ куманд., шор. *пақта*- < **magta* ‘хвалить’, тел. *мерген* < **mārgān* ‘ловкий, удалой, мудрец’, ср. шор. *перген*.

Медиальный *-m*- в южных диалектах устойчив, переходя в *-b*- или *-v*- в северных: тел., алт. лит. *семис* ~ туба *семис*, чалк., куманд. *севис*, шор. *себис* < **semiz* ‘жирный’; тел., алт. лит. *теермен* ~ туба *теермен* / *тервен*, чалк. *тервен* / *тервеен*, куманд., шор., хак. *тербен* < **degirmen* ‘мельница; зернотёрка’, где переход *-m*- > *-b*- может объясняться «тенденцией к диссимилляции **-рм-** > **-рб-**» [45. С. 177], ср. также тел. *қармақ* ‘удочка’ ~ туба *қармақ* / *қарбақ* / *қарвақ*, куманд. *қарбық*; тел. *сөзүрме* ‘невод’ ~ шор. *сөзүрбе*.

О. Прицак, возможно, ошибочно говорит о спорадическом переходе инлаутного *-b*- > *-m*- в примере тел. *тамыр* ‘жила; кровеносный сосуд’ < **tabyr*; в действительности праформа восстанавливается с *-m*-: **damor* ‘корень’ с рефлексами *-m*- как *-b*- / *-v*- в северных диалектах, ср. туба, чалк. *тамыр* / *тавыр* ‘вены’, шор. *табыр* ‘пульс; жила’.

¹ Г.Г. Фисакова пишет, что в телеутском отмечается употребление **п** на месте алтайского **м** в начале слов ‘топор’ (*палта*~*малта*), ‘горох’ (*пырчак*~*мырчак*) и ‘перец’ (*пурч*~*мырч*) [2. С. 72], но не комментирует эту вариативность.

Ауслуточный *-č в позиции после гласного в телеутском, как и в остальных алтайских диалектах (и сибирских тюркских, кроме хакаско-го), переходит в -š: тел. *агаиш* ‘дерево’ < *ууаč, отглагольные производные на -GUč – тел. *отургуиш* ‘табурет’, *қапқыиш* ‘ухват’, *қолартқыиш* ‘полотенце’, *қолжунгуиш* ‘умывальник’, *пасқыиш* ‘лестница’ и т.д. В северных диалектах отмечаются реликты исконого *-č, ср. туба *қысқач*, чалк. *қысқаш*, куманд. *кыскыч* ‘щипцы’, туба *очоргыч* ‘табурет’, чалк. *айрываиш*, куманд. *айрымач* ‘вилы’.

Для сочетания *ηl* в телеутском, как и в прочих южных диалектах, характерна десоноризация > *ηd*, ср. тел., алт. лит. *аңда-* ‘охотиться’ ~ куманд., шор. *аңна-* < *аңла-, аналогичный процесс десоноризации в южных диалектах происходит в сочетании *ηп*: алт. лит. *мандай* ‘лоб’ (тел. *қамақ*) ~ туба, куманд. *маңнай* < монг. *тагнау*.

Конечнослоговой *-η в телеутском в единичных случаях может переходить в -т: тел. *јум* ~ алт. лит. *јун* ‘перо’ < *јун.

Вторичные долготы

В основах вторичные долготы в телеутском и других южных диалектах возникают по ряду причин, в числе которых:

– падение конечных *-y и *-g и их переход в -ū / -ī̄: тел., алт. лит. *туу* ‘гора’ < *та:y, тел., алт. лит. *јуу* ‘война’ < *јауу, иногда с неслоговым йотированием после долгого *i*: тел., алт. лит. *тий-* ‘трогать’ < *deg ‘нападать; достигать’¹; вторичные долготы из-за падения конечнослоговых гуттуральных в неоднословных основах могут затем сокращаться: тел., алт. лит. *черү* ‘войско’ < *черүү* < *čerig, тел., алт. лит. *түнү* ‘насед’ < *түнүү* < *tünüg (?), ср. шор. *түнег* ‘насед’, тел. *үзү*, алт. лит. *изү* ‘горячий’ < *үзүү* < *узуу, но: тел., алт. лит. *қуу* ‘лебедь’ < *kogu, *күү* ‘мотив, мелодия’ < *kō:g, тел., алт. лит. *чуу* ‘пелёнка’ < *čug.

– падение конечных *-b ~ *-v, *-d и *-y: тел. *суу* ‘вода’ < *su:b, тел. *јүй* (у О. Прицака – *јүй*) ‘дом’ < *eb, тел. *сүй-* ‘любить’ < *sev-, тел. *кий-* (у О. Прицака – *кии-*) ‘носить (одежду)’ < *ked;

– выпадение медиальных *-γ-, *-g-, *-η-, *-b-, *-d-, *-y-. Комплексы *-ауу и *-оуи в телеутском при стяжении совпадают всегда в -ū̄, в алтайском литературном изредка дают рефлекс -ō̄: тел., лит. алт. *уур* ‘тяжелый’, **но:** тел. *ууру* ~ алт. лит. *оору* ‘болезнь’ < *ауур, тел. *сууқ*, **но:** алт. лит. *соок* ‘холодный’ < *soγуq, тел. *уус*, **но:** алт. лит. *оос* ‘рот’ < *аууз, тел., алт. лит. *јеен* ‘племянник’ < *jegān, тел., алт. лит. *өөй* ‘неродной’ < *ögej, тел., алт. лит. *иир-* ‘прясть’ < *eg- + -ir, тел., алт. лит. *јүүр* ‘стадо’ < *ögür, тел., алт. лит. *ээри* ‘седло’ < *eder и т.д.

¹ О. Прицак приводит несколько телеутских примеров с долгим без неслогового й в ауслате: *чиш* ‘сырой’, *пши* ‘начальник, господин’, *кии-* ‘надевать’; фактически, в словаре эти формы приведены как *чий*, *пий* и *кий-* соответственно. Очевидно, орфографирование долгого узкого переднего ряда *иш*, *йш* как сочетаний *ий*, *йй* свидетельствует о дифтонгизации таких вторичных долгот, ср. параллельные словарные формы *түй-* и *түй-* ‘вязать’ в литературном алтайском.

Отдельного рассмотрения требуют случаи выпадения *-y-. Г.Г. Фисакова отмечала, что «бачатско-телеутское долгое ий соответствует алтайскому =ийи=: тел. *тиик* ‘высокий’ ~ алт. *бийик*, тел. *киис* ‘кошма, войлок’ ~ алт. *кийис*, тел. *киим* ‘одежда’ ~ алт. *кийим*, тел. *иик* ‘веретено’ ~ алт. *ийик*» [2. С. 72]. Как показывает проведенный нами сравнительный анализ спектрограмм, произношение этих слов носителями телеутского и алтайского литературного языков может как различаться, так и совпадать, в зависимости от звукового состава праформы.

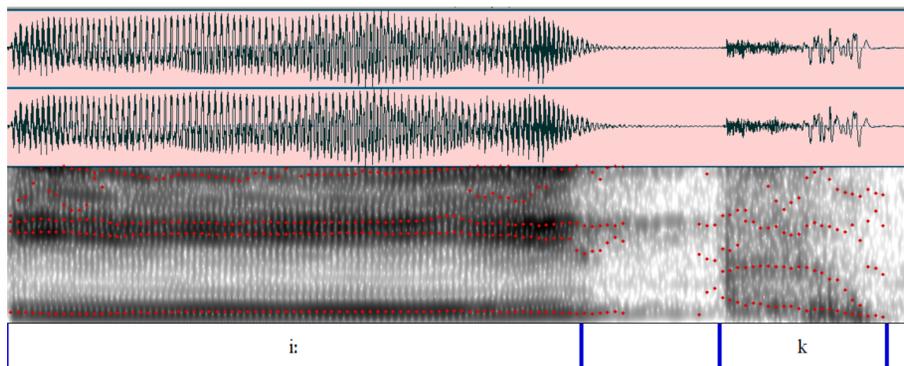

Рис. 1. Спектрограмма слова *ийик* ‘веретено’ (тел.)

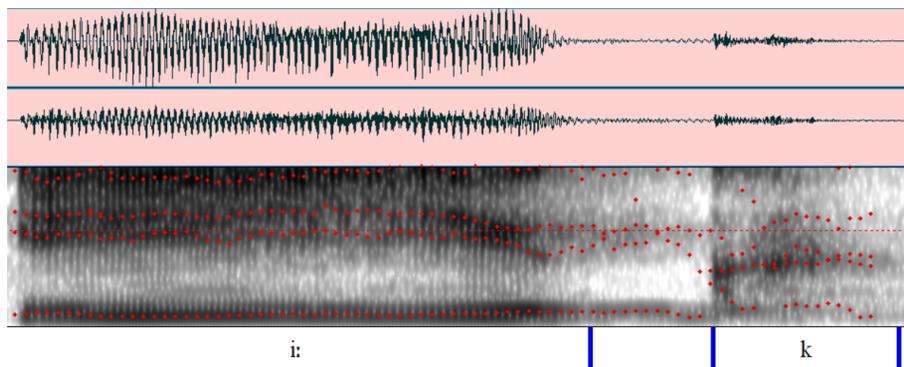

Рис. 2. Спектрограмма слова *ийик* ‘веретено’ (алт.)

Рис. 1 и 2 демонстрируют плавное движение всех четырёх формант на протяжении всей вокалической части слова, структура которого имеет вид VC, несмотря на сохранение <й> в орфографии обоих языков. Этимологически *ийик* возводится к **i:k* ‘веретено’, первичная долгота в котором неясна; она может быть как этимологической, так и вторичной (как результат стяжения производного на *-ig* от основы **eyir-* ‘прясть, сучить’). В любом случае, противопоставление телеутского *иик* (в словаре – *ийик*) и алтайского *ийик* не кажется нам достаточно обоснованным, хотя алтайская форма, в отличие от телеутской, демонстрирует два сильно сглаженных участка интен-

сивности в долгом *i* на спектрограмме, которые можно рассматривать как вершины двух кратких или полудолгих, разделенных эпентетическим [j].

Иначе обстоит дело с реализацией слова тел. *пийик* ~ алт. лит. *бийик* ‘высокий’ (рис. 3, 4).

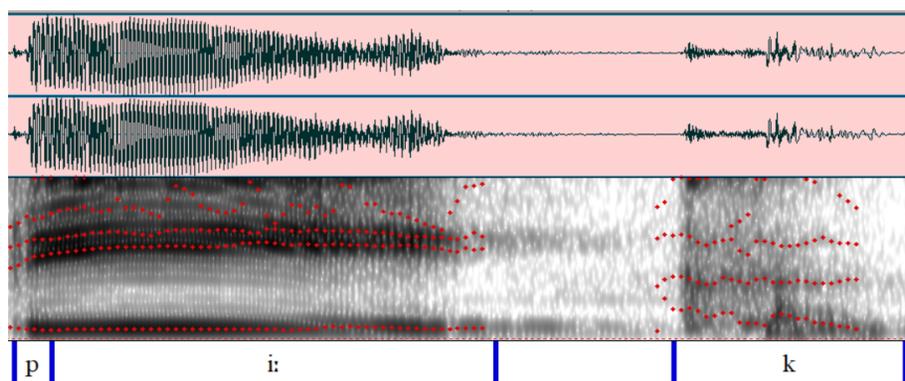

Рис. 3. Спектрограмма слова *пийик* ‘высокий’ (тел.)

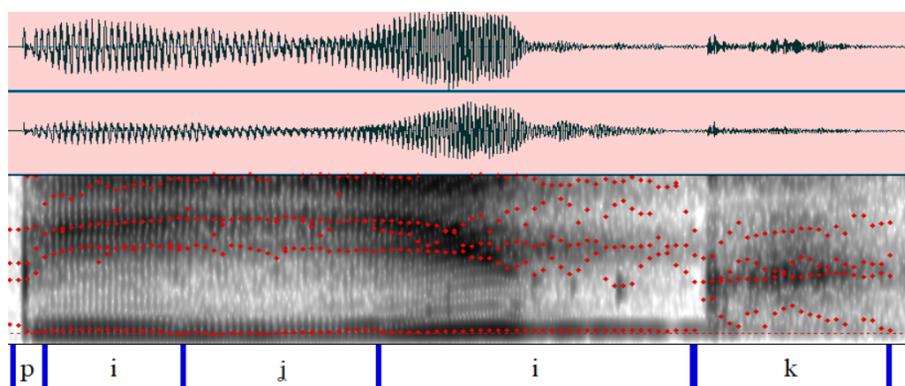

Рис. 4. Спектрограмма слова *бийик* ‘высокий’ (алт.)

Алтайская форма (рис. 4) отчетливо сохраняет два участка работы голосовых связей, выраженных интенсивнее, чем на рис. 2. Телеутская форма (рис. 3) демонстрирует одновершинный гласный с постепенно ослабевающей интенсивностью без медиального [j]-признака. Таким образом, при одинаковой F-картине рис. 3 и 4, можно согласиться с Г.Г. Фисаковой в том, что телеутская форма (CVC) отличается от алтайской (CVCVC) вторичной долготой, т.е. алтайскому бисиллабл *бийик* ‘высокий’ соответствует телеутский моносиллабл *пийик*. Возможно, различие между вышеуказанными парами реализаций сочетания *-ийи-* в телеутском и алтайском языках обусловлено разным происхождением основ: в паре тел. *ийик* ~ алт. *ийик* ‘веретено’ гласный этимологически долгий < *i:k, а в паре тел. *пи(й)ик* ~ алт. *бийик* ‘высокий’ телеутский демонстрирует вторичную дол-

готу в результате полного выпадения инлаутного *-d- < *bedük (которое закономерно переходит в -j- в алтайском).

Отдельно О. Прицак рассматривает морфонологические вторичные долготы вида «основа на гласный + аффикс»:

– датив *i-ya* ~ *a-ya* > *ā*, *igä* ~ *ügä* > *ā*: тел., алт. лит. *ақча-а* ‘деньги-DAT’ < *ақча-ға*, *киже-е* ‘человек-DAT’ < *кижи-ге*, тел. *эке-е* ‘два-DAT’ < *эки-ге*; отмечаются варианты с губной гармонией вторичных долгот, ср. тел. *по-о* ‘это-DAT’ < *пу-ға*, тел. *пол-ор-зоор* ‘быть-FUT-2PL’ < *пол-ор-зыгар*; генитив *a-niŋ* > *āŋ*, *o-niŋ* > *ōŋ*: *палааң* ‘ребенок-GEN’ < *пала-ның*, *оро-оң* ‘яма.GEN’ < *оро-ның*;

– аорист (Participium aoristi I): тел. *jarғылаар* ‘судящий’ < *jarғыла-ар*, ср. алт. лит. *кожондоор* ‘поющий’ < *кожондо-ор*;

– причастие прошедшего времени (Participium praeteriti) с параллельными полными и стянутыми формами: алт. лит. *јуртаган* ~ *јуртаан* ‘живший’, *келбеген* ~ *келбеен* ‘не пришедший’. Для телеутского вторичная долгота такого типа не характерна, ср. тел. *ойногон* ‘игравший’, *јазаган* ‘сделавший’, *јуураган* ‘слепленный’, *көрбөгөн* ‘не видевший’ и т.д.

Вторичные долготы в первом слоге в литературном алтайском обычно сокращаются (см. пример выше тел., алт. лит. *черү* ‘войско’ < *черүү* < **čerig*), но в диалектах могут сохраняться. О. Прицак приводит следующие примеры: алт. лит. *бозу* ‘теленок’ ~ тел. *пузаа* < **buzayu* (тел. *пуза* [36], совр. тел. *тöлнök* < рус.); ср. также тел. *көзүүн* ‘овод’ ~ алт. лит. *көгöөн* / *көгөн* < **ko:kegün* ‘синяя мясная муха’, тел. *серүүн* ‘прохлада’ ~ алт. лит. *серүүн* < монг. *serigün*, тел., алт. лит. *көмөөл* ‘ледоход, шуга’ < *?, ср. тел. *көмөл* [36].

От этих случаев следует отличать вторичную долготу в двухосновных словах, ср. тел. *пирсүүн* ‘послезавтра’ < *пирези күн*, *озосуун* ‘позавчера’ < *озогы күн*. Не вполне определен также статус долготы конечнослогового гласного в производных на *-I(g)* и *-LX(g)*. Согласно О. Прицаку она сохраняется в тел. *суруу* ‘вопрос’ (совр. тел., алт. лит. *суру* ‘допрос’ ~ *сурақ* ‘вопрос’), тел. *садуу* ‘торговля’ (совр. тел., алт. лит. *саду*), тел. *ат-туу* ‘лошадь-PROP’ (совр. тел., алт. лит. *атту*). Возможно, долгота в примерах О. Прицака носит компенсационный характер; в современном телеутском она нами не отмечена.

Для телеутского, в отличие от алтайского литературного, характерно регулярное выпадение *-r-* в аффиксе инфинитива на *-(A)rGA*: *келеге* ‘приходить’, *сарнага* ‘петь’ и т.д., однако без компенсаторного удлинения предыдущего гласного, что О. Прицак отмечает в кумандинском: *pärägä* ~ *pärärgä* ‘давать’.

Прочие комбинаторные изменения звуков.

Метатеза.

О. Прицак приводит следующие типы метатетических перестановок: *q~š* > *š~q* (авторский пример алт. лит. *oşqoş* < **oqşoş*, ср. тел. *ошқош* ‘подобный’), *g~s* > *s~k* (тел., алт. лит. *öskүс* ‘сирота’ < **ögsüz*), *k~m* > *p~k* (алт. лит., тел. *ченкен* ‘сукно’ < **čäkmän*), *γ~m* > *m~γ* (алт. лит., тел. *јамгыр* ‘дождь’ < **yaγmur*), *p~k* > *k~p* (алт. лит., тел. *өкпö* ‘лёгкое’ < **örpe*).

Ассимиляция и диссимиляция:

1. Для телеутского и других южноалтайских диалектов характерно сохранение начального этимологического *l* в аффиксах после гласных, *r* и *y* (тел. *карала-* ‘клеветать’, *қойлор* ‘овцы’, *қарлар* ‘снега’) и его переход $> d$ после прочих сонантов – *l*, *m*, *n*, *ŋ* (тел. *қолдор* ‘руки’, *сомдор* ‘ритуальные березки’, *қойрында-* ‘кривляться’, *оңдо-* ‘понимать’), и $> t$ после глухих (тел. *татту* ‘ржавый’, *қышта-* ‘зимовать’, *пийттер* ‘вши’);

2. Генитив. О. Прицак приводит следующую закономерность для южноалтайских диалектов:

– *-nlŋ* после гласных (кроме говора чулышманских телеутов – *die Mundart der Čulyšman-Teleuten*, т.е. теленгитов-тёлёсов), носовых и – факультативно – после долгих (вторичных) гласных, ср. *бака-ның* ‘лягушка-GEN’, *таан-ның* ‘галка-GEN’, *туу-ның* ‘гора-GEN’;

– *-dlŋ* после *r*, *l*, *y* и долгих (вторичных) гласных (в теленгитско-тёлёском говоре – также и после кратких), ср. тел. *мал-дың* ‘скот-GEN’, *туу-дың* ‘гора-GEN’, в теленгитско-тёлёском – *ада-дың* ‘отец-GEN’;

– *-tlŋ* после глухих согласных, ср. *агаиш-тың* ‘дерево-GEN’.

Важно отметить, что в языке бачатских телеутов наблюдается та же тенденция к десоноризации начального *n*- аффикса и его переходу в *d*- после гласных (факультативно) и сонантов, что и в диалекте теленгитов-тёлёсов.

После первично кратких гласных в конце основы варианты генитива с начальными *n* и *d* употребляются параллельно, хотя начальный *n* преобладает (ср. тел. *кижи-ниң* ‘человек-GEN’, *пөрү-ниң* ‘волк-GEN’, *пала-ның* ‘ребенок-GEN’ и т.д., но *эку-дың* ‘вдвоём-GEN’, *кижи-диң* ‘человек-GEN’, *қолту-дуң* ‘супруг(а)-GEN’¹, *јети-диң* ‘семь-GEN’, *теңере-диң* ‘небо-GEN’).

После краткого в посессиве 3 л. ед. ч. – только вариант с *n*: тел. *аба-зының* ‘отец-POSS.3SG-GEN’.

После вторично долгих – только вариант с *d*: тел. *суу-дың* ‘вода-GEN’, *јуу-дың* ‘война-GEN’, что, вероятно, обусловлено звонким гуттуральным *y~g* в ауслауте соответствующей праформы, который впоследствии дал вторичную долготу, ср. шор. *шаг-дың* ‘война-GEN’.

После *r*, *l*, *y*, как и в литературном алтайском, нормой является вариант с *d*, однако в нашем корпусе единично встречаются варианты с *n*: тел. *қар-дың* ‘снег-GEN’, *уул-дың* ‘сын-GEN’, *қудай-дың* ‘бог-GEN’, но *тадар-ның* ‘телеут-GEN’, *корова-лар-ның* ‘корова-PL-GEN’, *кижи-лер-ниң* ‘человек-PL-GEN’, *јыл-ның* ‘год-GEN’, *үй-ниң* ‘корова-GEN’.

После носовых *m*, *n*, *ŋ* в конце основы в норме употребляется *n*-вариант, а после *n*, *ŋ* также (редко) отмечается параллельное употребление *d*- и

¹ Конечный *n* в тел. *қолту* ‘супруг(а)’ может быть сократившимся долгим (хотя нам не удалось определить этимон *қолту*); в этом случае выбор варианта с начальным *d* логично объясняется вторичной долготой основы, ср. *туу-дың* ‘гора-GEN’.

n-вариантов генитива¹: тел. *қаан-ның* ‘хан-GEN’, *жылан-ның* ‘змея-GEN’, *күн-нің* ‘день-GEN’, *жыбран-ның* ‘суслик-GEN’, *Том-ның* ‘р. Томь-GEN’, *кем-нің* ‘кто-GEN’, *пайрам-ның* ‘праздник’, *қам-ның* ‘шаман-GEN’, но *аң-дың* ‘зверь-GEN’, *күн-дің* ‘солнце-GEN’, *эрлен-дің* ‘хомяк-GEN’.

После носового в посессивном склонении – только вариант с *n*: *кижи-ң-нің* ‘человек-POSS.2SG-GEN’, *сийин-ым-ның* ‘сестра-POSS.1SG-GEN’.

После глухих, как и в литературном алтайском, употребляется *t*-вариант: *черет-тиң* ‘известь-GEN’, *разрез-тың* ‘(угольный) разрез-GEN’.

3. Аккузатив. Южноалтайские диалекты, согласно О. Прицаку, морфологически распределяют аффикс аккузатива следующим образом:

– *-nI* после кратких (и факультативно – после долгих) гласных: *кижи-ни* ‘человек-ACC’, *туу-ны* ‘гора-ACC’;

– *-dI* после долгих гласных и сонантов: *туу-ды* ‘гора-ACC’, *үн-ди* ‘голос-ACC’, *мал-ды* ‘скот-ACC’; в теленгитско-тёлёсском – после кратких гласных: *ада-ды* ‘отец-ACC’;

– *-tI* после глухих согласных: *аиш-ты* ‘зерно-ACC’.

В телеутском распределение вариантов аккузатива, как и генитива, приближается к системе теленгитско-тёлёсского говора: тел. *свадьба-ны* ‘свадьба-ACC’, *пала-ны* ‘ребенок-ACC’, *пой-ы-ны* ‘сам-POSS.3SG-ACC’, *не-ни* ‘что-ACC’, *неме-ни* ‘вещь-ACC’; кроме того, в конкордансе отмечены случаи употребления *n*-варианта после носовых в посессивных аффиксах: *аба-м-ны* ‘отец-POSS.1SG-ACC’, *чач-ым-ны* ‘волосы-POSS.1SG-ACC’. Вариант с начальным *d* в телеутском характерен как для основ, оканчивающихся на сонорные, в том числе и в поессивном склонении (*кижи-м-ди* ‘человек-POSS.1SG-ACC’, *жер-ди* ‘земля-ACC’, *күн-ди* ‘солнце-ACC’, *үй-ди* ‘дом-ACC’, *өлөң-ди* ‘сено-ACC’, *неме-ң-ди* ‘вещь-POSS.2SG-ACC’, *уул-ды* ‘мальчик-ACC’), так и на гласные – краткие² и вторично-долгие (*кижи-ди* ‘человек-ACC’, *не-ди* ‘что-ACC’, *үч-ү-ди* ‘три-COLL-ACC’, *суу-ды* ‘вода-ACC’, *қуу-ды* ‘лебедь-ACC’).

4. Аблатив. Для исходного падежа общая алтайская схема (включая северные диалекты) выглядит следующим образом:

– *-dAŋ* после кратких и долгих гласных и неносовых сонантов *r, l, y*: *кеме-дең* ‘лодка-ABL’, *туу-даң* ‘гора-ABL’, *мал-даң* ‘скот-ABL’;

– *-nAŋ* после носовых: *тааң-наң* ‘ворон-ABL’;

– *-tAŋ* после глухих: *ағаш-таң* ‘дерево-ABL’.

Несколько уточнённая схема приводится для современного алтайского литературного языка – вариант *-dAŋ* в ней присоединяется также к основе на *-m*, а вариант *-nAŋ* – также к основе на гласный [46. С. 45].

¹ Данные нашего корпуса уточняют систему распределения показателей генитива в телеутском, приведенную в [47. С. 101], согласно которой после носовых используется только *-nyŋ*: *таŋ-nyŋ*.

² При этом *d*-вариант аккузатива после краткого гласного, как кажется, количественно преобладает над параллельным ему *n*-вариантом; например, конкорданс из 25 аккузативных склонений слова *кижи* ‘человек’ насчитывает 17 примеров с аффиксом *-ди* и лишь 8 – с аффиксом *-ни*.

Для телеутского система распределения вариантов аблатива совпадает с приведенной для литературного алтайского (схема О. Прицака является слишком обобщённой), включая также губные сингармонические варианты с *o~ö*, итого в телеутском насчитывается 12 алломорфов аблатива с чередованием начальных *d~t~n* и медиальных *a~e~o~ö*: *жуу-даң* ‘война-ABL’, *айры-даң* ‘овраг-ABL’, *санаторий-даң* ‘санаторий-ABL’, *жыл-даң* ‘год-ABL’, *алар-даң* ‘они-ABL’, *не-дең* ‘что-ABL’, *үй-дең* ‘дом-ABL’, *жер-дең* ‘земля-ABL’; единично представлен *d*-вариант после основы на *-т*: *техникум-даң* ‘техникум-ABL’.

После гласных в конце основы в телеутском абсолютно преобладает *d*-вариант: *пала-даң* ‘ребенок-ABL’, *ателье-дең* ‘ателье-ABL’, *қазна-даң* ‘государство-ABL’; единично отмечен *n*-вариант – *комната-наң* ‘комната-ABL’. Напротив, в посессивном склонении ед. ч. (как с носовой основой первого и второго лица, так и с вокалической – третьего) телеутский аблатив, как и в литературном алтайском, представлен только *n*-вариантом: *аба-м-наң* ‘отец-POSS.1SG-ABL’, *эне-м-нең* ‘мать-POSS.1SG-ABL’, *пойың-наң* ‘сам-POSS.2SG-ABL’, *мүйүз-и-нең* ‘рог-POSS.3SG-ABL’.

Выводы

Основные выводы, полученные в результате сопоставления корпусных и лексикографических данных телеутского языка с материалами работы О. Прицака *Das Altaitürkische*, сводятся к следующим.

Вокализм восьмичленный общетюркский, с парами «краткий – долгий», итого 16 фонем (О. Прицак); без долгой фонемы /ы:/, итого 15 фонем (Н.В. Гаврилин); без долгих фонем, итого 8 фонем (наша интерпретация).

В сфере вокализма телеутский язык отличается от алтайского, возможно, менее последовательной губной гармонией – после всех типов губных в первом слоге, гласный второго слога может не огубляться (тел. *сусқы* ‘ковш’ ~ алт. *суску* ‘ковш’), что сближает его с североалтайскими идиомами, с которыми телеутский с XVI в. находится в тесном контакте, прежде всего с кумандинским и шорским. Однако это правило не абсолютно, поскольку в алтайском языке губная гармония непервого слога также не всегда соблюдена (после широких гласных), а в телеутском – не всегда нарушена, ср. алт. лит. *одын* ‘дрова’, *кёки-* ‘радоваться’ ~ тел. *көгөр-* ‘зеленеть’, *йлеу* ‘выкройка’.

В сфере консонантизма телеутский отличается глухим [p] и глухим палатализованным [t] в абсолютном начале слова, которым соответствуют полувзвонкий [b] и полувзвонкий палатализованный [d] в алтайском. Для телеутского характерна палатализация [l] в позиции после [j] (ср. тел. *ойлү* ‘умный’ ~ алт. лит. *ойлу*), а также незвончение интервокальных глухих [š]~[s], что также сближает его с кумандинским языком. Соответствие [b]~[m] в разных фонетических позициях в телеутском и других алтайских диалектах демонстрирует лишь одну наиболее последовательную тенденцию – к сохранению медиального [*-m-] в телеутском и других южных

идиомах. В остальных позициях чередование $[b] \sim [m]$ в телеутском пока не дает четкой картины их распределения, достаточной для классификационных целей.

Особенность телеутского в сфере вторичных долгот заключается в последовательном стяжении комплексов $*-a\ddot{u}$ и $*-o\ddot{u}$ в $-\ddot{u}$, которые sporadически дают $-\ddot{o}$ в алтайском. Данные Г.Г. Фисаковой о реализации алтайского сочетания $-iyi-$ как долгого $[i:]$ в телеутском верны лишь частично и не всегда соответствуют спектрограммам.

Выпадение $[r]$ в показателе инфинитива, нехарактерное для алтайского литературного, также сближает телеутский язык с кумандинским.

Дистрибуция морфонологических вариантов падежных аффиксов генитива, аккузатива и аблатива в телеутском в целом соответствует системе алтайского литературного, однако отмечается и важная особенность – преобладание d -вариантов генитива и аккузатива после краткого гласного основы, что находит параллель в говоре «чулышманских телеутов», т.е. теленгитов-тёлёсов. Это свидетельствует об этногенетической близости телеутского и теленгитского диалектов; напротив, схожие черты в фонетике телеутского и кумандинского языков предположительно более позднее явление конвергентного характера. В целом бачатско-телеутский язык, безусловно, сохраняет свою южноалтайскую кыпчакскую подоснову, однако длительное время развивался в зоне смешения разных диалектов алтайского языка (Кузнецкий Алатау), что привело к формированию в нём отдельных «кумандинских» черт в фонетике и морфонологии. Лексико-грамматические особенности языка бачатских телеутов предположительно дадут дополнительные основания для его классифицирования в системе алтайских диалектов и – шире – тюркских языков Сибири.

Основные выводы статьи представлены в таблице.

Сопоставительный анализ фонологических и морфонологических особенностей телеутского языка

Фонология						
Вокализм						
Телеутский			Южные диалекты		Северные диалекты	
О. При- цак	Собствен- ные дан- ные	Прочие данные	Литера- турный алтайский	Алтай- кижи / теленгит- ский	Чалканский / туба	Кумандин- ский
8 кратких 8 долгих	8 кратких 8 долгих	8 кратких 7 долгих	8 кратких 8 долгих	8 кратких 7 долгих		
Фонологические вторичные долготы						
$*-X\ddot{y}(g) > -\ddot{u} / -\ddot{u} / -\ddot{i}(-iy)$						
$*-b/*-v/*-d/*-y > -\ddot{u} / -\ddot{u} / -\ddot{i}(-iy)$						
$*-y/*-g/*-\eta/*-b/*-d > -\ddot{u} / -\ddot{u} / -\ddot{i} / -\ddot{e} / -\ddot{o} / -\ddot{a}$						
$*-d$ между переднерядными						
$*-d >$ глайд $> V:V(?)$ тишк 'высокий'			$*-d >$ фрикатив $> VCV$ бийшк			
$*-a\ddot{u} / *-o\ddot{u} >$						

- <i>ū</i> уул 'сын' сууқ 'холодный' уур 'больной'	- <i>ū/-ō</i> уул соок оор		
<i>Падение долготы в производных</i> *-I(g) / *-LX(g) > - <i>ū</i> / - <i>ū̄</i> > - <i>u</i> / - <i>ü</i>			
Морфонологические вторичные долготы			
<i>Dativ:</i> <i>i-ya/a-ya/i-gä/ü-gä/ä-gä</i> > - <i>ā</i> / - <i>ā̄</i> + лабиализация после губных основы > - <i>ō</i>			
<i>Genitiv:</i> <i>a-niŋ</i> > <i>āŋ</i> , <i>o-niŋ</i> > <i>ōŋ</i>			
? первый широкий основы + <i>V</i> + <i>NIŋ</i> > узкий долгий аффикса: <i>эки</i> 'два' + - <i>ниң</i> > <i>эки-иң</i> 'два-GEN' первый узкий основы + <i>V</i> + <i>NIŋ</i> > широкий долгий аффикса: <i>кижи</i> 'человек' + - <i>ниң</i> > <i>киже-ең</i> 'человек-GEN'			
<i>Participum aoristi I:</i> - <i>V</i> + - <i>Vr</i> > - <i>V.r</i>			
<i>Participum praeteriti:</i> - <i>V</i> + - <i>GAn</i> >			
- <i>VGAŋ</i>	- <i>V:n</i>		
Консонантизм			
<i>Рефлексация анлаутного *j-</i>			
[c] / [j]	[j]		
<i>Рефлексация *-č в позиции озвончения</i>			
[j]	[j]		
<i>найы</i> 'друг'	<i>најы</i>		
<i>Палатализация [l'] в твердом ряду после [j]</i>			
облигаторная <i>қойлор</i> [q ^h ɔɪl'œŋ] 'овцы' <i>айлан!</i> [ai'l'æn] 'обернись!' <i>поттойло</i> [pɒtɒi'l'œ] 'подпол'	отсутствует <i>койлор</i> [q ^h ɔɪlœŋ] <i>айлан!</i> [ai'læn] <i>поттойло</i> [pɒtɒi'lœ]		
Озвончение интервокальных глухих			
<i>Губные и зубные</i>			
облигаторное <i>када-</i> 'втыкать' <i>табыш</i> 'голос, звук, известие'			
<i>Сибиллянты</i>			
факультативное (графически не отражается) <i>қўжәул</i> [kʷʃyʷl ~ kʷʒyʷl] 'мышь' <i>узун</i> [ʊsʊŋ ~ ʊzʊŋ] 'длинный'	облигаторное <i>қўжәул</i> 'крыса' <i>узун</i>	облигаторно- факультатив- ное <i>қўжәул</i> 'ондат- ра' <i>узун</i>	облигаторно- факультатив- ное <i>қўжил</i> 'крот' <i>узун</i> 'высо- кий' ~ <i>усақ</i> 'длинный'

Рефлексация звонкого губного *b-			
глухой <i>паш</i> ‘голова’ < *balč <i>пуур</i> ‘печень’ < *bagyr	полувзвонкий <i>баш</i> <i>буур</i>	полувзвонкий / глухой (орфография?) <i>баш</i> <i>паар</i> (туба) <i>багыр</i> ~ <i>баар</i> ~ <i>паар</i> (чалк.)	полувзвонкий / глухой (орфография?) <i>баш</i> <i>паар</i>
Рефлексация медиального *-m-			
сохраняется <i>семис</i> ‘жирный’ < *semiz <i>кеме</i> ‘лодка’ < *kāmi <i>теермен</i> ‘мельница; зернотёрка’ < *degirmen		может > -b- ~ -v- <i>семис</i> (ту- ба) ~ <i>севис</i> (чалк.) <i>кебе</i> (чалк.) <i>теермен</i> ~ <i>тервен</i>	может > -b- ~ -v- <i>севис</i> <i>кеве</i> ~ <i>кебе</i> <i>тербен</i>
Комбинаторные изменения			
Лабialsкая гармония			
Широкие негубные второго слога после широких губных первого слога			
облигаторная <i>о̀кпӧ</i> ‘легкие’ <i>оймок</i> ‘наперсток’ <i>орбо</i> ‘колотушка бубна’		облигаторно- факультатив- ная <i>о̀кпӧ-ӧкпе</i> <i>ойвоқ</i> <i>орбо</i>	отсутствует <i>ӧкпе</i> <i>ойвақ</i> <i>орбы</i>
Широкие негубные второго слога после узких губных первого слога			
отсутствует			
<i>қулақ</i> ‘ухо’ <i>чулан</i> ‘хлев’	<i>кулак</i> <i>чулан</i>	<i>қулақ</i> ~ <i>қылақ</i> <i>шулан</i>	<i>қулақ</i> <i>шулан</i>
Узкие губные второго слога после широких губных первого слога			
отсутствует <i>пӧри</i> ‘волк’	облигаторная <i>бӧрӱ</i>	облигаторная <i>мӧрӱ</i> ~ <i>мӧрӧ</i> <i>пӧрӱ</i> ~ <i>пӧрӧ</i>	отсутствует <i>мӧри</i>
Узкие губные второго слога после узких губных первого слога			
в корнях			
облигаторно-факультативная <i>тӱлкӱ</i> ‘лиса’ <i>улы-</i> ‘вить’	облигаторная <i>тӱлкӱ</i> <i>улу-</i>	облигаторно- факультатив- ная <i>тӱлгӱ</i> ~ <i>тӱлги</i>	факультатив- ная / отсут- ствует <i>тӱлгӱ</i> ~ <i>тӱлге</i> <i>суску</i>
в аффиксах			
факультативная / отсутствует <i>кӱйдир-</i> ‘зажигать’ <i>уруш</i> ‘драка’ <i>сусқы</i> ‘ковш’	облигаторная <i>кӱйдӱр-</i> <i>уруш</i> <i>суску</i>	облигаторная <i>кӱйдӱр-</i> <i>уруш</i> <i>сусқа</i> ~ <i>сусқы</i>	облигаторная <i>уруш</i> <i>улу-</i>

<i>Узкие негубные второго слога после широких губных первого слога</i>			
факультативная / отсутствует <i>кõмир</i> ‘уголь’ <i>одын</i> ‘дрова’ <i>қолтық</i> ‘подмышка’ <i>отыр- ~ отур-</i> ‘сидеть’	обязательно- факультативная <i>кõмұр</i> <i>одун ~ одын</i> <i>қолтық</i> <i>отур-</i>	обязательно- факультатив- ная <i>қолдық ~</i> <i>қолтуқ</i> <i>отур-</i>	отсутствует <i>одын</i> <i>қолтық</i> <i>отыр</i>
Прочие комбинаторные изменения			
<i>-а/-ы непервого безударного слога</i>			
<i>ы</i> <i>саңыт</i> ‘челюсть’ <i>алды</i> ‘зверь’	<i>а</i> <i>санат</i>		<i>ы ~ а</i> <i>алды ~ алда</i>
<i>Регрессивная лабиализация</i>			
факультативная / отсутствует <i>ұзұ</i> ‘горячий’ <i>пұлұ</i> ‘точильный камень’ <i>тирұ ~ түрұ</i> ‘живой’	отсутствует <i>изұ</i> <i>билұ</i> <i>тирұ</i>	неприменимо <i>изиг</i> (чалк.) <i>тилиг</i> (чалк.) <i>тириг</i> (чалк.)	факультатив- ная / отсутствует <i>изұ ~ ызық</i> <i>тирұ ~ тириг</i>
<i>Опереднение у- / о- перед -й</i>			
обязательное <i>уй</i> ‘корова’ <i>уйат</i> ‘стыд’ <i>уйа</i> ‘гнездо’ <i>чой</i> ‘чугун’	отсутствует <i>уй</i> <i>уйат</i> <i>уйа</i> <i>чой</i>	отсутствует - <i>уйат</i> (чалк.) <i>уйа</i> (чалк.) <i>чойын</i> (чалк.)	факультатив- ная / отсут- ствует <i>уй</i> <i>уйат</i> <i>уйа</i> <i>чой</i>
Морфонология			
<i>Элизия -r- в аффиксе инфинитива -(A)rGA >:</i>			
<i>-(A)rGA /</i> <i>-(A)GA</i>	<i>-(A)rGA</i>	<i>-(A)rGA /</i> <i>-(A):GA</i>	
<i>Десоноризация начальных согласных аффиксов (нисходящая звучность)</i>			
<i>после сонорных l, m, n, y</i>			
сильная сонорный + несонорный афф.	сильная сонорный + несонорный афф.	слабая / отсутствует сонорный + сонорный афф.	
<i>қол-доң</i> ‘рука-ABL’ <i>қам-дар</i> ‘шаман-PL’ <i>ұн-дер</i> ‘голос-PL’ <i>оңдо-</i> ‘знать’ <i>той-дың</i> ‘свадьба-GEN’ <i>қой-ды</i> ‘овца-ACC’	<i>қол-доң</i> <i>қам-дар</i> <i>ұн-дер</i> <i>оңдо-</i> <i>той-дың</i> <i>кой-ды</i>	<i>қол-наң</i> <i>қам-лар ~ қам-нар, қам-лыр</i> (чалк.) <i>ұн-нер</i> <i>уңна-</i> <i>той-ның</i> <i>кой-ны</i>	

после основ на гласный в ACC, ABL и GEN в непосессивном склонении		
ACC		
сильная	слабая / отсутствует	слабая / отсутствует
краткий гласный + несонорный афф. / сонорный носовой афф. (редк.) <i>пала-ды ~ пала-ны</i> 'ребенок-ACC' <i>кижи-ди ~ кижини</i> 'человек-ACC'	краткий гласный + сонорный носовой афф. <i>бала-ны</i> <i>кижини</i>	краткий гласный + сонорный носовой афф. <i>бала-ны</i> <i>кижини</i>
	сильная (теленгит.) краткий гласный + несонорный афф. <i>кижи-ди</i> <i>бала-ды</i>	
долгий гласный + несонорный афф. <i>туу-ды</i> 'гора-ACC' <i>суу-ды</i> 'река-ACC'	долгий гласный + сонорный носовой афф. <i>туу-ны</i> 'гора-ACC' <i>суу-ны</i> 'река-ACC'	
ABL		
сильная	сильная	слабая / отсутствует
краткий/долгий гласный + несонорный / сонорный носовой афф. (очень редк.) <i>пала-даң ~ пала-наң</i> 'ребенок-ABL' <i>суу-даң ~ суу-наң</i> 'река-ABL'	краткий/долгий гласный + несонорный / сонор- ный носовой афф. <i>бала-даң ~ бала-наң</i> <i>суу-даң ~ суу-наң</i>	краткий/долгий гласный + сонорный носовой афф. <i>бала-наң</i>
GEN		
сильная	слабая / отсутствует	слабая / отсутствует
краткий гласный + несонорный / сонорный носовой афф. <i>кижини-диң ~ кижини-ниң</i> 'человек- GEN' <i>жетини-диң ~ жетини-ниң</i> 'семь-GEN'	гласный + сонорный носвой афф. <i>кижини-ниң</i> <i>жетини-ниң</i>	гласный + сонорный носо- вой афф. <i>кижини-ниң</i> <i>четини-ниң / жетини-ниң</i>
долгий гласный + несонорный афф. <i>туу-дың</i> 'гора-GEN' <i>суу-дың</i> 'река-GEN'		
в посессивном склонении 3 л. ед. ч. для ACC, ABL и GEN – краткий гласный + сонорный носовой аффикса		

Условные обозначения: (1) – 1 л.; (2) – 2 л. (3) – 3 л.; (SG) – singular, единственное число; (PL) – plural, множественное число; (POSS) – possessive, посессив; (ACC) – accusative, винительный падеж; (GEN) – genitive, родительный падеж; (ABL) – ablative, исходный падеж; (CVB) – converb, деепричастие; (FUT) – future, будущее время; (PST) – past, прошедшее время; (COLL) – collective, собирательный маркер; (PROP) – proprietive, проприетив; (.) – кумуляция показателей; (*) – праформа; (C) – consonant, согласный; (V) – vowel, гласный; (X) – морфонологический инвариант для широких, узких и огубленных гласных.

Названия языков и диалектов

тел. – телеутский; алт. – алтайский; лит. – литературный; шор. – шорский; куманд. – кумандинский; чалк. – чалканский; сиб.-тат. – сибирско-татарский; тув. – тувинский; хак. – хакасский; ниж.-чул. – нижнечулымский диалект; ср.-чул. – среднечулымский диалект; мр.-шор. – мрасско-шорский диалект; конд.-шор. – кондомско-шорский диалект; др.-тюрк. – древнетюркский.

Литература

1. *Насилов Д.М.* Телеутов язык // Языки народов России: Красная книга. М.: Academia, 2002. С. 177–180.
2. *Фисакова Г.Г.* Некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности говора бачатских телеутов // Вопросы тюркской филологии. Кемерово, 1973. С. 68–75.
3. *Токмашев Д.М.* Заметки по лексике бачатско-телеутского языка // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. Новокузнецк, 2008. С. 147–152.
4. *Мудрак О.А.* Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009. 187 с.
5. *Чистяков Э.Ф.* О западносибирском ареале тюркских языков // Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 106–118.
6. *Дульзон А.П.* Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1970. 307 с.
7. *Schönig K.* South Siberian Turkic // Lars Johanson and Éva Á. Csató (Eds.). The Turkic Languages. New York: Routledge, 2006. Chap. 25. P. 403–416.
8. *Селютина И.Я.* Фонологические системы языков народов Сибири: учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 100 с.
9. *Селютина И.Я.* Фарингализация в тюркских языках Южной Сибири как отражение языковых контактов // Российская тюркология. 2009. № 1. С. 22–33.
10. *Рассадин В.И.* Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 219–231.
11. *Чистяков Э.Ф.* К истории языков Саяно-Алтая и прилегающих к нему районов. Новосибирск, 2006. 100 с.
12. *Róna-Tas A.* An Introduction to Turkology. Studia Uralo-Altaica 33. Szeged, 1991. 170 p.
13. *Schönig K.* A new attempt to classify the Turkic languages (1) // Turkic languages. 1997. P. 125–133.
14. *Убрятова Е.И.* Вопросы диалектологии тюркских языков // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3. С. 78–88.
15. *Широбокова Н.Н.* О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242–250.
16. *Дыбо А.В.* Генеалогическое древо диалектов: древообразующие процессы vs базисная лексика (на материале тюркских диалектов z-группы) // Всероссийский круглый стол «Диалектология и лингвистическая география», РГГУ, 24–25 апреля 2020 г. URL: <https://youtu.be/e4Q3YIXUNFw>
17. *Benzing J.* Classification of the Turkic Languages // Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus. Vol. 1 / ed. by Jean Deny, Kaare Grønbech & Helmuth Scheel. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 1–5.
18. *Menges K.* Classification of the Turkic Languages // Philologiae Turcicae Fundamenta: Tomus primus, Vol. 1 / ed. by Jean Deny, Kaare Grønbech & Helmuth Scheel. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 5–8.
19. *Функ Д.А.* Телеуты // Тюркские народы Сибири. М., 2006. 678 с.

20. Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958. 114 с.
21. Pritsak O. Das Altaitürkische // *Philologiae Turcicae Fundamenta*: Tomus primus. Vol. 1 / ed. by Jean Deny, Kaare Grønbech & Helmuth Scheel. Wiesbaden : Steiner, 1959. P. 568–598.
22. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2010. Т. 1. С. 315–336.
23. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 3: Труды кафедры языков народов Сибири. Томск, 2013. С. 346–372.
24. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2015. Т. 4. С. 292–322.
25. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2017. Т. 5. С. 210–248.
26. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2020. Т. 6. С. 277–373.
27. Токмашев Д.М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Томск, 2020. Т. 7. С. 129–172.
28. Меркурьев К.В. Бачатско-телеутский консонантизм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.
29. Гаврилин Н.В. Система гласных фонем в языке бачатских телеутов (по экспериментальным данным) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987. 18 с.
30. Добринина А.А. Краткие гласные телеутского языка по F1 и F2 (экспериментально-фонетическое наблюдение) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 58–65.
31. Селютина И.Я. Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных в языке телеутов (по данным МРТ) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 197–209.
32. *Телеутско-русский словарь* / сост. Л.Т. Рюмина-Сыркашева, Н.А. Кучигашева. Кемерово, 1995. 118 с.
33. *Ойротско-русский словарь* / сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тошцакова. М., 1947. 312 с.
34. *Алтайско-русский словарь* / отв. ред. А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
35. *Тематический словарь северных диалектов алтайского языка* / отв. ред. Н.А. Дьайым. Горно-Алтайск, 2004. 148 с.
36. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка* / сост. В.И. Вербицкий. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2005. 496 с.
37. Фисакова Г.Г. Фонетические закономерности бачатско-телеутского вокализма // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 94–97.
38. Гаврилин Н.В. Реестр гласных фонем в языке бачатских телеутов // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 67–73.
39. Dybo A. On the reflexes of proto-turkic vowel length in the Turkic languages // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2015. Vol. 132, is. 3: *EuroLinguistics*. P. 121–134.
40. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский языкоснова. Картина мира пратюркского этноса по данным языка* / под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. М., 2006. 912 с.
41. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции* / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 2002. 767 с.
42. Федина Н.Н., Широбокова Н.Н. Вокализм чалканского языка // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 244–258.
43. Фисакова Г.Г. Согласные фонемы бачатско-телеутского языка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1978. С. 160–169.

44. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»* / сост. Э.В. Севортян. М., 1978. 349 с.
45. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д»* / сост. Э.В. Севортян. М.: Наука, 1980. 395 с.
46. *Грамматика современного алтайского языка: Морфология* / отв. ред. И.А. Невская. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
47. *Баскаков Н.А., Селютина И.Я. Диалекты алтайского языка // Диалекты тюркских языков: очерки.* М., 2010. С. 83–109.

Teleut in the System of Altai Dialects – Phonetics and Morphophonology (Based on Das Altaitürkische by Omeljan Pritsak)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 158–187. DOI: 10.17223/19986645/74/10

Denis M. Tokmashev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kogutei@yandex.ru

Keywords: phonetics, morphophonology, dialectology, linguistic area, Turkic languages of Siberia, Altai language, Teleut language.

The study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 14.Y26.31.0014.

This article examines the phonetic and morphophonological features of the language of the Bachat Teleuts, a minoritised Turkic language of Siberia. The language is genetically related to the southern dialects of the Altai language (Turkic), but has evolved in isolation from them. The article aims to identify which features of the phonetics and morphophonology of the Teleut language are similar to and different from other Altai dialects, and to determine the place of Teleut in the system of Altai dialects. The structure of the research is guided by O. Pritsak's encyclopedic work *Das Altaitürkische (Philologiae Turcicae Fundamenta)*. Research material is taken from dictionaries and grammars of southern and northern Altai dialects, as well as from the corpus of Teleut texts in SIL FieldWorks Language Explorer format (about 30,000 tokens). Descriptive, comparative-historical, and areal methods are used in the work; *Praat* (speech analysis software) was used to verify some phonetic features of the Teleut language. The introduction describes the Siberian-Turkic dialect continuum and provides various characteristics of the concept of Siberian Turkic languages with a general conclusion about the heterogeneity of both the Siberian-Turkic area and the dialect system of the Altai language itself. The main part of the article compares the data given by O. Pritsak for Teleut and other Altai dialects (southern (Altai-Kizhi and Telengit) and northern (Chalkan, Kumandy, and Tuba)) and modern corpus and lexicographic data on the Teleut language. In the domain of vocalism, the Teleut language differs from the Altai language, perhaps, by a less consistent labial harmony – after all types of labials in the first syllable, the vowel of the second syllable may not be labialized, which brings it closer to the Northern Altai dialects with which Teleut has been in close contact since the 16th century, primarily with Kumandy and Shor. As far as consonantism is concerned, Teleut is distinguished by voiceless [p] and voiceless palatalized [t] at the absolute beginning of the word, which correspond to semi-voiced [b] and semi-voiced palatalized [d] in Altai. Teleut is characterized by palatalization [l] in the position after [j], as well as devoicing of the intervocalic [š]~[s], which also brings it closer to the Kumandy language. The loss of [r] in the infinitive marker also brings the Teleut language closer to the Kumandy language. The distribution of morphological variants of the case affixes of the genitive, accusative, and ablative in Teleut generally corresponds to the system of the Altai literary language; however, an important feature is also noted – the predominance of *d*-variants of the genitive and the accusative after a short vowel stem, which finds a parallel in the Telengit dialect. This testifies to the ethnogenetic relatedness of Teleut and Telengit; on

the contrary, the similarities in the phonetics of Teleut and Kumandy are presumably a later phenomenon due to linguistic convergence.

References

1. Nasilov, D.M. (2002) Teleutov yazyk [The Teleut language]. In: *Yazyki narodov Rossii: Krasnaya kniga* [Languages of the peoples of Russia: The Red Book]. Moscow: Academia. pp. 177–180.
2. Fisakova, G.G. (1973) Nekotorye foneticheskie, grammaticheskie i leksicheskie osobennosti govora bachatskikh teleutov [Some phonetic, grammatical, and lexical features of the dialect of the Bachat Teleuts]. In: *Voprosy tyurkskoy filologii* [Issues of Turkic Philology]. Kemerovo: [s.n.]. pp. 68–75.
3. Tokmashev, D.M. (2008) [Notes on the vocabulary of the Bachat-Teleut language]. *Istoriko-kul'turnoe vzaimodeystvie narodov Sibiri* [Historical and cultural interaction of the peoples of Siberia]. Conference Proceedings. Novokuznetsk: Izd-vo KuzGPA. pp. 147–152. (In Russian).
4. Mudrak, O.A. (2009) *Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov s pomoshch'yu metodov glotokhronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoy fonetike* [Classification of Turkic languages and dialects using the methods of glottochronology based on questions on morphology and historical phonetics]. Moscow: RSUH.
5. Chispiyakov, E.F. (1985) O zapadnosibirskom areale tyurkskikh yazykov [On the Western Siberian area of the Turkic languages]. In: *Morfologiya tyurkskikh yazykov Sibiri* [Morphology of the Turkic languages of Siberia]. Novosibirsk: SB USSR AS. pp. 106–118.
6. Dul'zon, A.P. (1970) Etnolingvisticheskaya differentsiatsiya tyurkov Sibiri [Ethnolinguistic differentiation of the Turks of Siberia]. In: *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov* [Structure and history of Turkic languages]. Moscow: Nauka.
7. Schönig, K. (2006) South Siberian Turkic. In: Johanson, L. & Éva Á. Csató (eds) *The Turkic Languages*. New York: Routledge. pp. 403–416.
8. Selyutina, I.Ya. (2004) *Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri: ucheb. posobie* [Phonological systems of the languages of the peoples of Siberia: textbook]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
9. Selyutina, I.Ya. (2009) Faringalizatsiya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri kak otrazhenie yazykovykh kontaktov [Pharyngealization in the Turkic languages of Southern Siberia as a reflection of language contacts]. *Rossiyskaya tyurkologiya*. 1. pp. 22–33.
10. Rassadin, V.I. (1981) Problemy obshchnosti v tyurkskikh yazykakh Sayano-Altayskogo regiona [Problems of community in the Turkic languages of the Sayan-Altai region]. In: *Tyurkologicheskii sbornik 1977* [Turkological collection 1977]. Moscow: GRVL. pp. 219–231.
11. Chispiyakov, E.F. (2006) *K istorii yazykov Sayano-Altaya i prilegayushchikh k nemu rayonov* [On the history of the languages of the Sayan-Altai and adjacent regions]. Novosibirsk: [s.n.].
12. Róna-Tas, A. (1991) *An Introduction to Turkology*. Studia Uralo-Altaica. 33.
13. Schönig, K. (1997) A new attempt to classify the Turkic languages (1). *Turkic languages*. 1. pp. 125–133.
14. Ubryatova, E.I. (1963) Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov [Issues of Dialectology of Turkic Languages]. In: *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov* [Issues of Dialectology of Turkic Languages]. Vol. 3. Baku: AzSSR AS. pp. 78–88.
15. Shirobokova, N.N. (2015) O smene klassifikatsionnogo tipa (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri) [On the change of classification type (based on the Turkic languages of Siberia)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 242–250.
16. Dybo, A.V. (2020) Genealogicheskoe drevo dialektov: drevoobrazuyushchie protsessy vs bazisnaya leksika (na materiale tyurkskikh dialektov z-gruppy) [Genealogical tree of dialects: tree-forming processes vs basic vocabulary (based on the Turkic dialects of the z-

group)]. *Dialektologiya i lingvisticheskaya geografiya* [Dialectology and linguistic geography]. [Video]. 24–25 April 2020. RSUH. [Online] Available from: <https://youtu.be/e4Q3YIXUNFw>

17. Benzing, J. (1959) Classification of the Turkic Languages. In: Deny, J. et al. (eds) *Philologiae Turcae Fundamenta: Tomus primus*. Vol. 1. Wiesbaden: Steiner. pp. 1–5.

18. Menges, K. (1959) Classification of the Turkic Languages. In: Deny, J. et al. (eds) *Philologiae Turcae Fundamenta: Tomus primus*. Vol. 1. Wiesbaden: Steiner. pp. 5–8.

19. Funk, D.A. (2006) Teleuty [The Teleuts]. In: Funk, D.A. & Tomilov, N.A. (eds) *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka.

20. Baskakov, N.A. (1958) *Altayskiy yazyk* [The Altai language]. Moscow: USSR AS.

21. Pritsak, O. (1959) Das Altaittürkische. In: Deny, J. et al. (eds) *Philologiae Turcae Fundamenta: Tomus primus*. Vol. 1. Wiesbaden: Steiner. pp. 568–598.

22. Tokmashev, D.M. (2010) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 1. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 315–336.

23. Tokmashev, D.M. (2013) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 3. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 346–372.

24. Tokmashev, D.M. (2015) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 4. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 292–322.

25. Tokmashev, D.M. (2017) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 5. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 210–248.

26. Tokmashev, D.M. (2020) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 6. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 277–373.

27. Tokmashev, D.M. (2020) Teleutskie teksty [Teleut texts]. In: Filchenko, A.Yu. (ed.) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday texts of the Ob-Yenisei language area]. Vol. 7. Tomsk: Agraf-Press; Vayar. pp. 129–172.

28. Merkur'ev, K.V. (1975) *Bachatsko-teleutskiy konsonantizm* [Bachat-Teleut consonantism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

29. Gavrilin, N.V. (1987) *Sistema glasnykh fonem v yazyke bachatskikh teleutov (po eksperimental'nykh dannym)* [The system of vowel phonemes in the language of the Bachat Teleuts (according to experimental data)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Alma-Ata.

30. Dobrinina, A.A. (2019) *Kratkie glasnye teleutskogo yazyka po F1 i F2 (eksperimental'no-foneticheskoe nablyudenie)* [Short vowels of the Teleut language according to F1 and F2 (experimental phonetic observation)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2 (38). pp. 58–65.

31. Selyutina, I.Ya. (2019) Articulatory Characteristics of Noisy Frontlingual Consonants of the Teleut Language (According to MRI Data). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 197–209. (In Russian). DOI:10.17223/18137083/69/17

32. Ryumina-Syrkasheva, L.T. & Kuchigasheva, N.A. (1995) *Teleutsko-russkiy slovar'* [Teleut-Russian dictionary]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

33. Baskakov, N.A. & Toshchakova, T.M. (1947) *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oyrot-Russian dictionary]. Moscow: OGIZ.

34. Chumakaev, A.E. (ed.) (2018) *Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk: BNU RA "NII altaistiki im. S. S. Surazakova".
35. D'ayym, N.A. (ed.) (2004) *Tematicheskiy slovar' severnykh dialektov altayskogo yazyka* [Thematic dictionary of the northern dialects of the Altai language]. Gorno-Altaysk: IP Vysotskaya G.G.
36. Verbitskiy, V.I. (2005) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.
37. Fisakova, G.G. (1979) Foneticheskie zakonomernosti bachatsko-teleutskogo vokalizma [Phonetic patterns of Bachat-Teleut vocalism]. In: *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of the languages of Siberia]. Novosibirsk. pp. 94–97.
38. Gavrilin, N.V. (1984) Reestr glasnykh fonem v yazyke bachatskikh teleutov [The register of vowel phonemes in the language of the Bachat Teleuts]. In: *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of the languages of Siberia]. Novosibirsk. pp. 67–73.
39. Dybo, A. (2015) On the reflexes of proto-turkic vowel length in the Turkic languages. *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 132 (3). pp. 121–134.
40. Tenishev, E.R. & Dybo, A.V. (eds) (2006) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. The proto-Turkic language as the basis. The picture of the world of the proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow: Nauka.
41. Tenishev, E.R. (ed.) (2002) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow: Nauka.
42. Fedina, N.N. & Shirobokova, N.N. (2019) Vocalism of the Chalkan Language. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 244–258. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/68/22
43. Fisakova, G.G. (1978) Soglasnye fonemy bachatsko-teleutskogo yazyka [Consonant phonemes of the Bachat-Teleut language]. In: *Yazyki narodov Sibiri* [Languages of the peoples of Siberia]. Kemerovo: [s.n.]. pp. 160–169.
44. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems on Letter "B"]. Moscow: Nauka.
45. Sevortyan, E.V. (1980) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "V", "G" i "D"* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems on Letters "V", "G" and "D"]. Moscow: Nauka.
46. Nevskaya, I.A. (ed.) (2017) *Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk: [s.n.].
47. Baskakov, N.A. & Selyutina, I.Ya. (2010) Dialekty altayskogo yazyka [Dialects of the Altai language]. In: *Dialekty tyurkskikh yazykov* [Dialects of the Turkic languages. Essays]. Ocherki. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 83–109.